

● ПЕРСОНА
ЗАХАР ПРИЛЕПИН:

Культура. - 2006. - 7-13 дек. - с. 5.

Писать много — это дурной вкус

Он — автор двух романов и десятка рассказов. Его имя стало широко известно после включения в короткий список русского Букера романа "Санька". Особую пикантность этой ситуации придавала причастность автора к скандально известной организации, возглавляемой не менее скандально известным писателем Эдуардом Лимоновым. Таким образом, Захар ПРИЛЕПИН стал литературно-политическим феноменом. Наша беседа и развернулась в пространстве между этими полюсами.

— Захар, хочу начать с уточнения, связанного с вашим национал-большевизмом и близостью к Лимонову.

— Я член партии, выходить из нее не собираюсь, потому что совпадаю с ней по ряду существенных позиций. К тому же ряд моих друзей и соратников сидит в тюрьмах, в такой ситуации было бы безнравственно рассуждать о неких частных несогласиях. Как говорят в уголовных кругах, я братву не бросаю. Так что я остаюсь членом партии, притом что моя позиция очень широка. Впрочем, и нацболы продемонстрировали широту, вступив в коалицию с организацией "Другая Россия", в которой состоят и либералы, и консерваторы.

С Лимоновым мы лично знакомы, три или четыре раза я с ним встречался. Я считаю его крупнейшим писателем современности, который находится вне контекста русской классической литературы. Лимонов — писатель европейский, он, с одной стороны, адаптировал европейскую литературу к нашим условиям, а с другой — внес в европейскую литературу неизъяснимое русское.

— Участвовал ли он каким-либо образом в вашей литературной карьере?

— Лимонов не участвовал ни в чьей литературной карьере. Я, может быть, не самое удачное, но дитя русской классической литературы, а Лимонов — нет. Поэтому, прочитав мой роман "Санька", написанный, как говорят критики, о нацболах, он сказал, что эта проза чужда ему, но она достойна.

— Что было первичным: ваше писательство или ваши политические пристрастия?

— Тут нет ни первичного, ни вторичного. Литература не создается ни в пустоте, ни по принципу книга от книги. Если посмотреть на русскую классическую литературу, то надо понимать, что Лермонтов был офицером, служившим на Кавказе, Толстой был офицером, проводившим зачистки, Достоевского едва не повесили и т.д. Что здесь первично, а что вторично, совершенно непонятно.

— Я имел в виду простую хронологическую последовательность.

— Сначала я вступил в партию, побывал в Чечне, занимался массой разных дел, а потом начал писать. По той причине, что, во-первых, мне стало скучно заниматься знакомой рабо-

той, а во-вторых, мне было необходимо осмыслить тот кусок современности, который был мною прожит. И потом, писать роман о тюрьме, о войне, о партии, не побывав там, возможно, но он обязательно окажется лживым.

— Дело не только в правдивости. Главное достоинство романа "Санька", по-моему, заключается в том, что вам удалось выйти за пределы описываемого предмета.

— Мой литературный учитель Леонид Абрамович Юзефович сказал, что он считает мой роман антилимоновским. Я счастлив, что достиг такого несоблюдения баланса.

— Вы спокойно произносите: я — писатель?

— Да, конечно.

— Это серьезная идентификация. Тот, кто легко это произносит, вызывает некоторое подозрение. Что позволяет вам не бояться такого определения?

— Я думаю, любой человек, принадлежащий к русской литературе, осознавал это в силу наличия внутреннего слуха и вкуса, доверия к своему слуху и вкусу. Очень важен и внешний успех, не стоит этого скрывать. Получение ряда премий, попадание в шорт-лист Букера, лестные высказывания живых литературных классиков, конечно же, содействовали тому, что я спокойно называю себя писателем.

— Могли бы вы описать то литературное русло, движение, которое полагаете для себя наиболее плодотворным?

— На меня колоссальное воздействие оказала советская литература. Леонид Леонов, Анатолий Мариенгоф, Бабель, ранний Всеволод Иванов, гениальный Шолохов во всех его проявлениях помогли мне понять, как нужно воспринимать раскалывающийся мир. Это во-первых. Во-вторых, русская классическая литература, в первую очередь Пушкин, Лермонтов и Гоголь. В-третьих, поэзия, которая оказала огромное влияние на мою прозу в смысле ощущение почвы и судьбы. Для меня важны гениальный, но страшно недооцененный Павел Васильев, вполне оцененный Сергей Есенин, впрочем, список таких людей очень велик.

— Вас можно назвать почвенником?

— Можно. Если Пушкин, Мандельштам и Пастернак — почвенники, тогда и я почвенник. Все мы почвенники, по-

тому что наша родина — русский язык.

— Русский язык — родина и Лимонова, которого вы сами объявили писателем западного типа. По всей видимости, почвенник — это человек, отдающий отчет в своем патриотизме: душа болит за Родину.

— Это действительно важная вещь. Русская почва и судьба — это нечто большее, чем то, что легко поддается формулировке. Все мы в силу отпущенных нам возможностей пытаемся это сформулировать. Самое простое, что я могу вспомнить, это слова Александра Башлачева: то ли я люблю, оттого что болит, то ли болит, оттого что я люблю. Это неизъяснимое мучительное ощущение в душе постоянно толкает к поискам формулировки того, что есть твоя почва, что есть твоя судьба, что есть единство судьбы и почвы, Родины и любви, которые и дают тебе силы для жизни.

— Хочу обратиться к вашему роману. Какова степень его автобиографичности?

— Она велика, процентов на пятьдесят книга автобиографична. Я принял участие в доброй сотне акций национал-большевиков, не раз побывал в милиции. Но особую пикантность ситуации придает одно обстоятельство. Я работал в ОМОНе, не раз участвовал в разгоне демонстраций. Так что я побывал и разгоняющим, и разгоняемым. Поэтому соответствующие опи-

сания в романе абсолютно правдивы.

— А что заставило вас совершить столь радикальный переворот?

— Он имел социальные, а не культурные предпосылки. В 1998 году произошел дефолт, мне не платили зарплату полгода, у меня родился первый ребенок. Я вынужден был незаконными способами добывать средства для пропитания моего дитяти. Поэтому я ушел, но я могу работать где угодно, если мне будут оплачивать мои физические и душевные затраты. Это не было принципиальным шагом, изменяющим мою судьбу. Я в НБП состоял уже тогда, когда работал в ОМОНе. Помимо прочего, я еще и политтехнолог, и участвовал в массе проектов. Никто никогда мне и слова не сказал, потому что я выполняю доверенную мне работу качественно. В России колоссальный дефицит кадров, это очевидно и для администрации Президента, и для редакции газеты, и для любого отряда ОМОНа.

— Вы явно человек не романтического склада.

— Я человек практического склада. В партию я пришел не как романтик, а как логик.

— У вас есть критерии хорошей литературы?

— У любого разумного человека таких критериев множество. Назову некоторые: язык, стиль, способность к сопереживанию, в божественном

смысле любовь к своему делу, к тому, что больше нас. Любой текст, который я прочитал, я могу разложить на составные части, но по большому счету важна сила внутреннего чувства. Мне близок Эдуард Лимонов, но совсем не близок, например, Василий Аксенов. Мое негативное к нему отношение основано именно на внутреннем чувстве. Аксенов бывает ярким, он отличный фантазер, но в какой-то момент я понимаю, что он находится не только вне контекста моих душевных желаний, но для меня и вне контекста русской гуманистической литературы.

— Короткий список Букера производит странное впечатление, хотя, наверное, именно он дает представление о нынешнем состоянии литературы, умонастроениях, царящих в ней. Возникает впечатление, что у нас нет традиции реалистического и интеллектуального романа. Люди открывают давно открытое, нет движения вперед.

— А может, этого движения нет в принципе? По сути, из века в век мы озвучиваем один и тот же текст разными словами. Во-первых, из священных книг истина ясна изначально, во-вторых, все сюжетные конструкции использованы. Мы что — должны сплестись на голове?

— Однако в литературе во все времена появлялись люди, которые ломали привычные конструкции, новизна проявлялась не в области ЧТО, а в области КАК.

— Современная литература дает возможность говорить об этом КАК. Во-первых, происходит осмысление новых социальных и политических пространств, во-вторых, идет адаптация и оформление новых языковых пространств. На новом языке мы говорим о новой реальности, но говорим мы то, что уже известно. Поэтому проблема КАК не важна, важна проблема, о ЧЕМ ты достойно, с приобщением к большим ценностям можешь сказать.

— Получается, что литература — отражение меняющейся реальности?

— Вы не забывайте, что я говорил о языке. В литературе, кроме языка, ничего и не существует. Мы можем и не осознавать изменения, которые сейчас в нем происходят. Допустим, европейское осмысление фразы и мускулистое движение текста у Лимонова, психологическое осмысление реальности у Макакина, метафорическое — у Проханова дают основания говорить о том, что мы движемся. Я не вижу никаких причин говорить, что мы играем на одних и тех же струнах и пляшем на старых костях. С литературой все в порядке. Продолжается нормальный всеоткрытый путь русской литературы, которая осмысливает новые куски реальности и привлека-

ет для этого новые языковые средства. А больше перед нами и не стоит никаких задач.

— В каком направлении вы как литератор двигаетесь сейчас?

— Направлений для современного литератора великое множество. В современной России отсутствует эпос, осмысливающий то, что произошло со страной. На него я руку не подниму. Как ни странно, у нас в стране существует некий языковой барьер. В 1920-е годы легко можно было произносить слова "Ленин" и "НЭП", например в романе Шолохова, и роман оставался романом. Если в современной России произнести слова "Ельцин" и "новый русский", текст мгновенно превращается в фельетон. Романов, осмысливающих современность эпически и честно, фактически нет. Реальность настолько дурновкусна, что с ней работать неприятно. Ее можно либо проклинать, как Проханов, либо пародировать, как Пелевин. От своих собратьев по литературе, которые участвовали в дележе пирога, я требую, чтобы они написали роман о том, как они делали свой бизнес на костях советского государства. Но эпоса у нас нет.

Далее, у нас нет военного романа. Тема Великой Отечественной войны дала колоссальный взрыв в прозе. Книжки Астафьева, Бондарева, Носова, Бакланова, Курочкина, еще ряда писателей были шедеврами. Афганская и чеченская войны оставили в литературе минимальный след.

Нет у нас и семейного романа, потому что через призму семьи никто не способен посмотреть на сегодняшнюю реальность. Дальше можно идти по всем родовым признакам литературы, и мы убедимся, что сегодня никак не получается впитать в себя реальность через тот или иной жанр.

Конечно, мне бы хотелось написать эпос или семейный роман, но, возможно, я не возьмусь ни за то, ни за другое. Я считаю, что писать много — это дурной вкус. Книжки надо писать тогда, когда их надо писать. Нет никакой необходимости выдавать по роману в год.

— Чем сейчас вы зарабатываете на жизнь?

— Журналистикой, публицистикой, политтехнологией. Во-первых, я этим зарабатываю деньги для семьи, во-вторых, это предоставляет мне замечательную возможность понять, что происходит в нашей стране. Невозможно понять это изнутри митинга с красным флагом посреди площади. Я занимаюсь своей деятельностью с огромным интересом, я понимаю, как на самом деле устроена политика. Это очень важно для любого русского писателя.

Беседу вел
Сергей ШПАЛОВ